

Взятый Перемышль

(Отъ нашего корреспондента).

По всему Перемышлю, на стѣнахъ, было расклеено объявление генерала Артамона о правилахъ, которымъ должны подчиняться жители города и сѣдѣвшія въ плѣнъ гарнизонъ крѣпости. Главными пунктами объявления были: воспрещеніе продавать спиртные напитки; воспрещеніе оставаться на улицахъ съ пастушескимъ темптомъ, послѣ 7-ми час. веч.; требованіе, чтобы всѣ, въ частности плѣнные австрійцы, беспрекословно повиновались русскимъ военнымъ властямъ; настоячивое напоминаніе нашимъ солдатамъ — не причинять никакихъ обидъ мѣстнымъ жителямъ и т. п. Эти распоряженія повидимому, сдѣлали свое дѣло. За все время нашего пребыванія въ городѣ намъ не пришлось быть свидѣтелями ни единого недоразумѣнія между русскими и австрійцами: плѣнными и горожанамъ.

Между прочимъ то же распоряженіе генерала Артамона устанавливало для Перемышля курсъ австрійской кроны, принятой во всей русской Галиціи, въ 30 коп. Этотъ курсъ соблюдался твердо; при всѣхъ нашихъ денежныхъ расчетахъ въ Перемышлѣ мы ни разу не слышали возраженій на него. Было замѣтно даже, что торговцы и жельеры въ ресторанахъ охотнѣе берутъ русскія деньги, нежели австрійскія. Кажется, у всѣхъ была затаенная болѣзнь, какъ бы кроны и геллеры не обезцѣнились еще болѣе или даже не утратили бы всякой цѣны. Мы извѣстятъ случаи, когда одинъ нашъ солдатъ «вымѣнялъ» въ Перемышлѣ у плѣнного австрійца за 5 серебряныхъ рублей 25 кроны, т. е. заплатилъ по двугривенному за крону. Никакой инфляционности при этомъ не было: нашъ солдатъ искренно не зналъ цѣны австрійскихъ денегъ, а австріецъ предпочиталъ имѣть русское серебро, чѣмъ родныя бумажки.

Вообще жители Перемышля, какъ и население всей Галиціи, съ поразительной легкостью и быстротой приспособились къ русскимъ порядкамъ,

Если плѣнные австрійскіе офицеры въ Перемышлѣ, по удачному выраженію «Прикарпатской Руси» (номеръ отъ 12-го марта), «проповѣдаютъ впечатлѣніе людей, радушно принимающихъ въ своемъ домѣ гостей», то городскіе обыватели, особенно люди простые, встрѣчаютъ насъ какъ своихъ болѣе удачливыхъ сородичей. Намъ съ товарищемъ случилось провести нѣсколько времени въ небогатой квартирѣ одной простой женщины (у которой жилъ шофферъ нашего автомобиля), въ зарѣчной части города. Эта женщина радушно угощала насъ чаемъ, хлѣбомъ, маленькимъ сокомъ и, кстати, горько жаловалась намъ, что «швабы» забрали ея сына въ армию. Другая женщина, съ которой я разговаривалъ, покупая у нея платки (издѣлія въ «галиційскомъ» вкусѣ, съ яркими каймами), плавиво просила меня похлопотать за ея мужа, «угнаннаго» австрійцами на работы, — копать траншеи на фортахъ. Торговка увѣряла меня, что ея мужъ весьма ревностно исполняетъ свое дѣло (т. е. хорошо укрѣпляетъ форты противъ нашей арміи!), австрійцы же морили его голодомъ и не платили обѣщаннаго жалованья. И не только по вѣнъ моего польскаго языка не могъ я обяснять женщины, что не имѣю никакой возможности вступиться за ея мужа!

Толпу такихъ простыхъ женщинъ я видѣлъ послѣ въ костелѣ. Была, по нашему календарю, «Лазарева суббота» (14-го марта); костелы въ Перемышлѣ были переполнены. Но громадное большинство молящихся были женщины, — (можетъ-быть, 5/7 или 3/4). Однѣ въ совершенно черныхъ платкахъ, другія — въ черныхъ, съ яркими цвѣтными каймами, тѣ — одѣтыя побогаче, тѣ — побѣднѣе, старыя и молодыя, — всѣ одинаково долго стояли на коѣнкахъ, смотрѣли неподвижными глазами, забывъ развернутый молитвенникъ, куда-то въ пустоту передъ собою и, дыгая губами, шептали какія-то слова. Что? Заченныя молитвы? Или моленія, обращенныя къ Богу? Или благодарность Ему за избавленіе отъ страданій? Эти женщины, вѣроятно, больше, чѣмъ всѣ другія, чувствовали гнетъ осады. Ихъ мужья на фортахъ рыли траншеи, утѣшались фантастическими слухами обавстрійскихъ побѣдахъ, сходились въ

своемъ «политическомъ клубѣ» у какого-нибудь цирюльника «съ одной тарелочкой»; а именно «женны», оставшіяся дома, испытывали, что значить не имѣть молока для дѣтей, отдавать послѣдніе геллеры за хлѣбъ, который чудовищно дорожаетъ каждый день, относить лавочнику «въ залогъ» свое бѣлье или праздничный костюмъ мужа. Вглядываясь въ ровные темные ряды склоненныхъ женскихъ головъ, лоя чуть слышимый молитвенный шопотъ, поглощаемый могучимъ плѣнемъ органа, я думалъ о томъ, что такое же зрѣлище представляли, вѣроятно, костелы въ Перемышлѣ и во дни осады. Люди состоятельные ѣхали въ театр или на концертъ, устранивали вечеринки у себя дома, гдѣ мимо шутили надъ меню своего ужина, включавшимъ конину, и неизменно насмѣхались надъ бесплоднымъ упорствомъ русскихъ... Бѣдникамъ же, дѣйствительно, голодавшимъ, мерзнувшимъ въ нетопленыхъ комнатахъ, лишенымъ всякой работы и всякаго дохода, некуда было пойти, кромѣ храма, и, конечно, ежедневно костелы наполнялись толпой коѣнопреклоненныхъ, молящихся, плачущихъ женщинъ...

Военныхъ (австрійцевъ) въ костелахъ, кажется, совсѣмъ не было: я, по крайней мѣрѣ, не замѣтилъ ни одного. Можетъ-быть, они разсуждали такъ, что имъ не за что благодарить Господа, но и не о чемъ просить Его, ибо все идетъ хорошо. На эту мысль навелъ меня одинъ изъ нашихъ знакомыхъ австрійскихъ лейтенантовъ, котораго я встрѣтилъ, выходя изъ костела. Радостно со мной поздоровавшись, какъ съ другомъ, котораго онъ давно не видѣлъ, лейтенантъ потомъ спросилъ меня: — У насъ здѣсь распространился слухъ, что гѣмцы вчера взяли Варшаву. Какъ вы думаете: правда это? — Какой вздоръ!

Отъ этого восклицанія я не могъ удержаться, но мнѣ стоило труда убѣдить лейтенанта, что въ слухъ о взятіи Варшавы гѣмцами вѣтъ и капли вѣроятія. Австріецъ вѣжливо соглашался со мною, что Варшава, можетъ-быть, и не взята еще, а потомъ осторожно возражалъ:

— Однако, гѣмцы всего въ 30-ти километрахъ отъ Варшавы: вамъ будетъ нелегко ее защищать.

И уже тѣтливо старался я убѣдить своего собеседника, что это — тоже неправда, что гѣмцы теперь много дальше отъ Варшавы и что они не могутъ и думать серьезно о наступленіи на нее. Австріецъ только изъ побезности прекращалъ споръ, но было видно, что въ душѣ онъ остается при своей прежней увѣренности.

Нѣчто подобное говорили намъ и другіе австрійскіе офицеры. Повидимому, чтобы поднять духъ гарнизона, въ крѣпости распускались слухи о мнимыхъ побѣдахъ германской арміи, причемъ убѣрили даже офицеровъ, что гѣмцы опять идутъ на Варшаву и несомнѣнно возьмутъ ее, не сегодня — завтра. И офицеры вѣрили этимъ вздорнымъ сообщеніямъ, хотя по издававшимся въ крѣпости до послѣдняго дня «Военнымъ Вѣдомостямъ» («Kriegsnachrichten») можно было составить довольно правильное представленіе о ходѣ военныхъ дѣйствій. Слухъ же о взятіи Варшавы 14-го (27-го) марта былъ явно распушенъ съ определенной цѣлью — временно «утѣшить» офицеровъ и солдатъ въ стыдѣ пораженія...

Мы, конечно, ни на минуту не могли повѣрить австрійскимъ слухамъ или даже допустить, что въ нихъ скрывается хоть крупица истины. Въ назначенный срокъ, не обращая на нихъ вниманія, мы стали готовиться въ обратный путь, — въ Варшаву. Еще оставалось въ Перемышлѣ, въ городѣ и на фортахъ, немало любопытнаго, что стоило бы осмотрѣть и изучить; интересно было бы подняться на высокие холмы, лежащіе зади Перемышля, и посѣтить окрестныя деревни, жители которыхъ могли бы, вѣроятно, разсказать немало замѣчательныхъ случаевъ изъ поры осады. Но одинъ нашъ спутникъ, М., крайне торопился вернуться, такъ какъ въ Варшавѣ у него были сѣнныя, неотложныя дѣла; да и мы съ товарищемъ, не прочь были скорѣе оказаться дома, чтобы заняться обработкой собраннаго материала. Мы рѣшили поэтому, отгнаться отъ деталей и удовольствоваться общими чертами. Къ сожалѣнію, пришлось намъ отказаться и отъ нашего первоначальнаго плана: вернуться черезъ Львовъ. Для этого надо было бы переправить автомобиль на лѣвый берегъ Сана, но взрывъ мостовъ сдѣлалъ это невозможнымъ. Все, что намъ остава-

лось, это — нѣсколько изменить нашъ маршрутъ по Галиціи, чтобы на обратномъ пути посѣтить нѣкоторые города и селенія, чѣмъ на пути къ Перемышлю.

Мы выѣхали рано утромъ въ вербное, — по гѣмско-католическому календарю — «пальмовое», — воскресенье, Palmsonntag. На улицахъ Перемышля, несмотря на бѣдственные дни и ранній часъ, уже начиналось праздничное оживленіе. Встрѣчавшіеся прохожіе были одѣты по-праздничному; въ городѣ вѣвжали деревенскія тѣлги, везшія, должно быть, на продажу разные сельскіе продукты. Проходи по улицамъ, чтобы пробраться къ своему автомобилю, въ зарѣчную часть города, мы повстрѣчали по дорогѣ одного за другимъ двухъ знакомыхъ намъ австрійскихъ офицеровъ. Каждый мило намъ улыбнулся, пожалъ руки, пожелалъ счастливаго пути; одинъ изъ нихъ поспѣшилъ подѣлиться съ нами радостной новостью: его, какъ полуславянина, не отсылаютъ во внутреннюю Россію, но позволяютъ ему остаться въ предѣлахъ Галиціи. Говорившій, повидимому, былъ наввно убѣжденъ въ томъ, что мы примемъ близко къ сердцу его судьбу и порадуетесь вмѣстѣ съ нимъ. Эта новость была прямо трогательной, и я, право, порадовался удачѣ этого нашего «врага», еще нѣсколько дней назадъ руководившаго стрѣльбой по нашимъ солдатамъ. У воротъ дома, гдѣ стоялъ нашъ автомобиль, насъ поджидалъ третій нашъ знакомый, — клоунъ изъ цирка: онъ принесъ намъ нѣсколько камелеекъ, разсказать которыя обѣцалъ накануне («календаріи осады» и др.), должно дружески пожимать намъ руки, каждому изъ насъ дать свой адресъ и настойчиво напоминать, чтобы при слѣдующемъ посѣщеніи Перемышля мы не забывали вѣстивать въ гостиницѣ, во приѣхали по этому адресу, гдѣ для насъ будетъ готова удобная комната...

Пока мы дѣлали свои наблюденія въ Перемышлѣ, приглядываясь къ нему и нашъ шофферъ. Встрѣтившись съ нами, онъ между прочимъ сообщилъ намъ, что въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, есть нѣсколько квартиръ, покинутыхъ австрійскими офицерами и оставшихся безъ хозяевъ. Мы зашли въ одну изъ нихъ и увидѣли картину разрома. Ищичи стоговы были выдвинуты, мелкія вѣтви разбросаны по полу, валялось мно-

го книгъ, частью уже изорванныхъ и истоптанныхъ; прочія вадились на коврикахъ переплетовъ, я убѣдился, что то былъ подборъ гѣмскихъ классиковъ: Гете, Шиллеръ, Гейне, Лессингъ, Грильпарцеръ, Гамерлингъ. Возможно, что разрома, въ настоящемъ смыслѣ слова, здѣсь не было, что самъ хозяинъ квартиры привелъ ее въ такое состояніе, египто собиралъ наиболее цѣнныя и дорогія для него вещи. Все-же я считалъ себя въ правѣ подобрать раскиданныя по полу письма, такъ какъ они все равно были бы выброшены, какъ ненужный хламъ. Хотя эти письма относились къ мѣсяцамъ до второй осады, въ нихъ оказались сообщенія, очень характерныя для австрійскихъ настроеній». Черезъ нѣсколько минутъ послѣ насъ въ той же квартирѣ появилось трое нашихъ солдатъ: они искали, гдѣ бы имъ устроиться въ Перемышлѣ, и мы порекомендовали имъ бывшую офицерскую квартиру. Тотчасъ на входной двери, какъ то всегда дѣлается въ родахъ, занятыхъ арміей, появился написанный мѣломъ имена новыхъ хозяевъ. Согласно съ неписаными обычаями войны, съ этой минуты квартира считалась занятой, и никто другой уже не смѣлъ бы себя въ правѣ посягать на нее. Три нашихъ солдата послышавъ въ комнатахъ, гдѣ еще недавно жилъ какой-то любитель гѣмской литературы, и — увы! — нельзя ручаться, что изъ ихъ страницъ съ вдохновенными стихами Гете не были свернуты «цыгарки»!

Погышавъ еще нѣкоторое время въ квартирѣ, гдѣ нашъ шофферъ почевалъ, — у доброй, наввной женщины, угощавшей насъ малиновымъ сокомъ и жасовавшей намъ на судьбу сына-солдата, — мы, наконецъ, тронулись въ путь. Въ обратномъ порядкѣ замелькали картины, которыя мы видѣли, подѣзжая къ Перемышлю: холмы, глубокія долины, сосновый лѣсъ, укрѣпленія; повернувъ голову, мы опять могли любоваться плѣнительной панорамой благаго города надъ синимъ Саномъ. На одномъ поворотѣ мы нагнали большую партію мужичь, человекъ 250—300, съ угрюмыми лицами шагнувшихъ къ выходу изъ крѣпости. Они были одѣты не по военному, но у каждаго на лѣвой рукѣ была перевязъ изъ трехцвѣтной ленточки. Мы окликнули ихъ, спрашивая,

кто они; по польскій, русскій и гѣмскій вопросы остались безъ отвѣта. Наконецъ, одинъ изъ шагнувшихъ, чтобы «отдѣлаться» отъ насъ, бросилъ намъ одно слово: «мадыря!» То были рабочіе-венгры, не говорившіе ни на какомъ языкѣ, кромѣ роднаго. Насъ увѣряли потомъ, будто австрійцы намѣревались брать рабочими въ крѣпость венгровъ, но знающихъ ни гѣмского ни польскаго языка, чтобы они не могли никому жаловаться на обращеніе съ ними и на различныя притѣвленія. Увѣрили также, что живое въ крѣпости венграмъ-рабочимъ очень тяжело: ихъ плохо кормили, заставляли работать по 15—16 часовъ въ сутки и платили имъ ничтожное жалованье. Если судить по изможденнымъ и угрюмымъ лицамъ тѣхъ, которыхъ мы встрѣтили, такимъ разсказамъ можно повѣрить, тѣмъ болѣе, что приблизительно на то же жаловались и рабочіе-поляки и русныя.

На пути въ Перемышль мы безпрестанно встрѣчались съ партіями плѣнныхъ; теперь мы ихъ безпрестанно обгоняли. Въ городѣ, въ нашемъ штабѣ, намъ говорили, что эвакуація плѣнныхъ продлится не менѣе 10—12 дней, если не все двѣ недѣли, при условіи отправлять ежедневно болѣе 10,000 человекъ. Плѣнные опять или партіями по нѣскольку сотъ человекъ, объединенные большей частью по національностямъ: гѣмцы — отдѣльно, поляки — отдѣльно, венгры — отдѣльно... Кромѣ конвойныхъ, казаковъ или конныхъ добровольцевъ, за порядкомъ въ каждой партіи наблюдали особыя «звездные», назначаемые изъ среды самихъ плѣнныхъ. По-прежнему всѣ плѣнные съ полной готовностью шли указаннымъ имъ путемъ; плѣнные солдаты усердно отдавали честь ѣхавшему съ нами русскому офицеру; а плѣнные гѣмцы простирали свое усердіе до того, что старались говорить по-польски или по-русски. Нагоняя партію и желая получить свободный проѣздъ для автомобиля, мы надали кричали гѣмцамъ, прося ихъ не споропиться: «Rechts!» Но «звездные» любезно повторяли наше приказаніе по-русски, крича: «Право!»

Валерій Врюсовъ.

22-го марта.